КОГДА ЗЕМЛЯ БЫЛА ТЁПЛОЙ

18+

АЛЕКСЕЙ СЕВЕР

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

Алексей Север

Когда Земля была тёплой

«Автор»
2026

Север А.

Когда Земля была тёплой / А. Север — «Автор», 2026

Мир превратился в замерзшую, выжженную пустыню, где каждый шаг это борьба за глоток воздуха, а каждый день может стать последним. Смерть идет по пятам, но пока есть те, ради кого следует идти, путишествие продолжается. На развалинах исчезнувшей цивилизации двое найдут то, что казалось невозможным сохранить дружбу, преданность и любовь, способную согреть среди абсолютного холода. Они идут вперед через опасности и потери, ведомые только тихой памятью о прошломНо главная тайна этого сурового путешествия откроется только в самом конце. И она изменит все: осознание того, чем на самом деле был тот прошлый мир, который человечество так слепо и беззаботно уничтожило своими руками.

© Север А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

От автора 6
Глава 1. Искусственное солнце на земле 7
Глава 2. Холодный свет подземелья 14
Г 23
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Алексей Север
Когда Земля была тёплой

От автора

Когда погасло Солнце, мир не просто замерз — он замолчал.

В этом новом, остекленевшем от пятидесятиградусных морозов мире, привычные законы больше не работают.

Прежние деньги превратились в ничтожную труху, а единственной настоящей валютой стали дизельное топливо, оружие и тепло.

Движение стало единственной формой жизни

Перед вами история простого механика, оказавшегося один на один с бесконечной полярной ночью. В его распоряжении оживленный собственными руками тридцатитонный стальной монстр ДТ-30П "Витязь" Впереди только промерзший ада и призрачная легенда о далёком Юге, где сквозь плотный пепел всё ещё пробиваются лучи живого, настоящего света.

Но что ожидает одинокого кочевника там, где кончаются известные карты?

Спасительный оазис или еще более глубокие, погребенные под вечным льдом тайны погибшей цивилизации?

И на что способен человек, когда главный враг это не лютый мороз за броней, а ледяная пустота внутри собственного сердца?

Если вы готовы пройти этот путь сквозь белую мглу, слышать гул дизеля в кромешной тишине и искать искру надежды там, где осталась лишь смерть, **заводите двигатель.**

Великий марш начинается.

Глава 1. Искусственное солнце на земле

Первые десять лет после того, как погасло Солнце, я выживал на самом пределе человеческих возможностей, балансируя над пропастью. В том, прежнем мире, ушедшем в небытие со всеми его заботами, я был простым механиком-дизелистом на северном стратегическом объекте. Впервые в жизни я уехал работать за границу по специальности, которая в те дни казалась невероятно востребованной и надежной. Когда планета рухнула в пучину хаоса и всеобщего непонимания, мои руки — привычные к техническому маслу, заскорузлым гаечным ключам и тяжелому железу — неожиданно спасли мне жизнь.

Поначалу приходилось кочевать пешком между занесенными по самые крыши снегом северными поселками, каждую минуту прячась от банд мародеров. С ними почти всегда приходилось вступать в жесткий конфликт, потому что в новом мире правила изменились навсегда: каждый старался выжить исключительно за счет других. Жизнь превратилась в бесконечную борьбу за каждый глоток воздуха.

Всё радикально изменилось в ту запредельно морозную, звенящую от холода ночь, когда судьба забросила меня в заброшенный стояночный бокс военного резерва. Там, в самом сердце промерзшего насквозь ангара, укрытый толстым слоем векового инея, спал настоящий ледяной монстр — двухзвенный гусеничный вездеход ДТ-30П “Витязь”.

Это была не просто машина. Это была вершина советской инженерной мысли, созданная специально для работы в суровых арктических условиях. Полностью механический многотопливный дизель V12, полное отсутствие капризной электроники, два огромных гусеничных звена, способных прокладывать дорогу сквозь трехметровые торосы и непроходимые заносы.

Три долгих года я буквально жил в этом ледяном склепе: собственными руками восстанавливал заклинивший механический топливный насос высокого давления, перебирал промерзшие топливные магистрали, тщательно проверял систему пневмо запуска от баллонов высокого давления. К моему огромному счастью, в боксе нашлись запасные баллоны со сжатым воздухом, чудом сохранившиеся и оставшиеся полностью заряженными. Второй прицепной модуль “Витязя” я полностью переоборудовал под жилой блок: тщательно утеплил стены толстым слоем строительного войлока и пенопласта, соорудил компактную печь-буржуйку, работающую на отработке, и наладил привод к мощному компрессору. Без него этот колоссальный мотор просто не смог бы запуститься — аккумуляторы давно превратились в бесполезные ледышки, а пуск держался исключительно на сжатом воздухе.

Когда оживший дизель впервые огласил гулкий ангар оглушительным, содрогающим стены ревом, я испытывал дикую, всепоглощающую радость оттого, что смог подчинить себе эту мощь. Но триумф длился ровно секунду — его моментально сменила сухая, беспощадная и жестокая математика выживания.

“Витязь” был невероятно прожорливым зверем. По глубокому рыхлому снегу и ледяным торосам его многотопливный V12 пожирал около трех с половиной литров солярки на каждый километр пути. Штатные баки вмещали всего девятьсот литров, давая смехотворный для таких расстояний запас хода — от силы на пять сотен километров. А впереди лежала Южная Франция, до которой было больше трех с половиной тысяч километров сплошного промерзшего ада.

Простые расчеты на засаленном, истерзанном клочке бумаге вырисовывались жуткие, пугающие цифры. Для такого перехода требовался целый океан топлива — больше двенадцати с половиной тонн арктического дизеля. Совершить четырнадцать полных заправок в полностью вымершем мире казалось безумием, граничащим с самоубийством.

И всё же топлива, найденного в ангаре, хватало ровно на один рывок — доехать до конкретной, заветной точки. В прошлой жизни мне доводилось обслуживать северные объекты, и я прекрасно помнил точные координаты законсервированного военного склада горюче-сма-

зочных материалов стратегического назначения. Это был единственный шанс. Рискуя последними капельками солярки, я бросил “Витязь” вперед, сквозь белую мглу.

Мне невероятно повезло: подземные хранилища уцелели под многометровым прессом льда. Завладев колоссальными запасами базы, я превратил второй модуль вездехода в гигантскую мобильную цистерну, укрепил платформу мощными сугроборезами, установил дополнительные мягкие топливные резервуары и забил до отказа всё свободное пространство двухсотлитровыми железными бочками, заправив машину под завязку.

Именно тогда, стоя на пронизывающем морозном ветру у распахнутых настежь тяжелых ворот хранилища, я принял самое тяжелое, бесповоротное решение в своей жизни. Пути назад больше не было.

По слухам, которые доходили до меня от редких караванщиков на ледяных биржах — так теперь называли стихийные рынки для обмена товарами, где выжившие шептались у костров из горелых автопокрышек, — далеко на юге что-то происходило. На землях бывшей Южной Франции, прямо над горными грядами предгорий, расположенных к северу от средиземноморского побережья Марселя, Ниццы и Канн, атмосфера из-за каких-то аномалий истончилась. Говорили, будто там тучи из ионизированного пепла временами разрываются, и на белые равнины падают лучи настоящего, теплого, живого Солнца. Шептались, что там еще теплится жизнь, люди строят подземные теплицы, и если эти слухи правду — меня ждет спасение. Я найду тот самый утраченный мир.

Для человека, который уже десяток лет задыхался в вечных сумерках бесконечной полярной зимы, эта легенда стала единственным смыслом существования.

Запас дизеля был рассчитан ровно в один конец. На то, чтобы развернуться и поехать обратно к Балтике, топлива уже не оставалось физически. Я сжигал за собой все мосты, добровольно ставя собственную жизнь на зеро.

На исходе третьего месяца тяжелейшего пути дорога пролегла через заснеженные, безмолвные предгорья Прованса. Мороз за бортом давно зашкаливал за минус пятьдесят, когда в глубокой каменистой долине Центрального массива “Витязь” внезапно уперся в гигантский, наглухо занесенный снегом скальный каньон.

Именно там я заметил то, чего не видел уже много лет — дым. Не черный маслянистый угар от сжигания пластика или резины, а бледный, струйчатый дым от настоящего древесного угля.

Свернув с намеченного курса, я осторожно спустился в старый заброшенный карьер. Там, в глубоких рукотворных пещерах и старых каменоломнях, ютилось крошечное поселение — около трех десятков истощенных, закутанных в шкуры и обрывки одежды людей. Их коммуна выживала в этих суровых условиях исключительно благодаря глубокому геотермальному колодцу, давшему хоть какое-то тепло.

Когда я приблизился к ним, медленно подняв руки вверх, чтобы показать отсутствие агрессии, из тени вышел старейшина. Мы обменялись сдержанными приветствиями. Из короткого разговора выяснилось, что у общины беда: сломался механический насос, качающий воду из подземных недр. Магистраль на глазах схватывалась смертельной ледяной коркой, грозя оставить людей без воды и тепла. Местный кузнец безуспешно пытался отогреть замерзшие трубы факелами, едва не спалив уплотнители в задвижках.

Я не мог просто развернуться и уйти. Решив остаться на три дня, я взялся за ремонт.

Влезть в промерзшую насквозь шахту насосной станции, разобрать покрытый толстым слоем окалины поршневой узел и на коленке выточить из старой автомобильной рессоры новую клапанную пружину для дизелиста моего уровня было делом нескольких часов. Но я сделал гораздо больше. Я собрал вокруг разобранного механизма всех местных подростков и молодежь.

— Смотрите сюда и запоминайте каждое движение, — жестко и безапелляционно говорил я им, просовывая перемазанные графитовой смазкой пальцы внутрь сложнейшего механизма. — Зазоры выставляются строго по тепловому расширению. И каждую неделю — слышите? Каждую неделю! — обязательный принудительный слив накопившегося конденсата из пневматической системы под давлением. Иначе влага встанет колом, и всё разорвет. Гидравлика и механика не прощают суеты, они требуют абсолютной точности.

Перед самым отъездом я заглянул в закрома “Витязя” и подарил старосте коммуны свой запасной механический манометр и целый набор закаленных стальных ключей — сокровище, за которое на любой ледяной бирже отдали бы центнер драгоценного топлива. А шестнадцатилетнему пареньку Николя, который с горящими глазами ловил каждое мое слово, отдал исписанный от руки тетрадный блокнот со схемами ремонта пневматики.

— Держи, малый. Учись. Это вернет вам тепло тогда, когда меня уже не будет рядом.

Жители провожали меня как родного человека, выставив на мороз корзину со свежими припасами и сушеными грибами. Поблагодарив их за доброту, я продолжил путь. Расслабляться было нельзя ни на секунду.

Ледяная пустошь не прощает сентиментальности. Выбравшись из каньона, “Витязь” вырвался на просторы погибшего Прованса. Здесь, на подступах к долине Роны, мертвый мир открылся передо мной во всем своем пугающем, грандиозном величии.

Бесконечный белый океан спрессованного снега и льда полностью погреб под собой прежнюю цивилизацию. От некогда миллионных городов, проплывающих по обе стороны моего маршрута, остались лишь острые готические шпили древних соборов да верхушки стеклянных небоскребов, торчавшие из сугробов, словно гигантские надгробные плиты. Ледяной ветер гулял по выбитым окнам, и внутри заброшенных высоток стоял заупокойный гул вечной метели.

Но самым поразительным зрелищем оказались грандиозные автомобильные эстакады и многоуровневые виадуки. Построенные с инженерным размахом на мощных бетонных опорах, они чудом оказались выше уровня снежных заносов. Вздымаясь над белой пустыней на пятьдесят метров вверх, эти небесные мосты парили в свинцовой сумеречной дымке, напоминая скелеты вымерших гигантов. На одном из таких виадуков застыла многокилометровая пробка из сотен машин. Люди бросили их в тот самый момент, когда грянул мощнейший электромагнитный импульс и заглохли все моторы. Теперь эти автомобили были намертво заморожены в полупрозрачный синий лед прямо на высоте птичьего полета, превратившись в сюрреалистичную хрустальную галерею прошлого.

Двигаться приходилось строго в светлое время суток — не больше четырех-пяти часов короткого сумеречного дня, когда свинцовое небо слегка побледнело. Из-за полной гибели электричества фары “Витязя” оставались лишь бесполезными стекляшками, а вести тридцати тонную махину вслепую сквозь кромешную тьму, по занесенным пропастям и обрывам, было равносильно самоубийству. Едва вечерние тени начинали сгущаться, я глушил дизель, наглухо задраил бронированные люки и пережидал бесконечную, звенящую от мороза ночь в жилом модуле под монотонный гул печки-буржуйки.

Зато днем, когда ледяные тучи над головой ненадолго расступались под порывами ионизированных ветров, на мертвый мир проливался суровый, призрачный свет. Небо вспыхивало изумрудными и фиолетовыми сполохами, отражаясь от остекленевших склонов гор так ярко, что глаза слезились даже сквозь темные защитные очки.

Я вел “Витязь” по самой кромке затопленного льдом шоссе. Тяжелый дизель V12 монотонно урчал под капотом, оставляя на девственно-белом снегу глубокие, уверенные следы мощных траков. Вокруг царила абсолютная, первозданная тишина — ни птиц, ни зверя, только ритмичный стук клапанов и сухой шелест снежной пыли по стальной броне кабины.

Спустя два дня этот сюрреалистичный пейзаж сменился мрачными каменными теснинами: я зажал “Витязь” в узком серпантине ущелья Вердон. И именно там ловушка захлопнулась.

Сверху, с отвесных скал, с диким грохотом рухнул искусственный обвал из огромных промерзших валунов, мгновенно перекрыв дорогу. Я резко ударил по тормозам, и машина замерла на месте. В зеркалах заднего вида тут же возникли два броневика с наскоро намалеванными белой краской словами на капоте: “Стальные крысы”. Из-за камней высыпало с десяток вооруженных до зубов людей с самодельными дробовиками и тяжелыми арбалетами.

— Вылезай, шкет! Солярку и машину оставляешь — уйдешь живым! — орал в рупор их главарь, упитанный амбал в потрепанной куртке из волчьего меха.

Они были уверены, что загнали в узкую горную ловушку одинокого, беззащитного дальнобойщика. Они фатально, смертельно ошибались.

Одним движением откинув люк жилого модуля, я с ходу выкатил тяжелый крупнокалиберный пулемет ДШК, переоборудованный под стационарную турель. Первым же коротким, яростным рыком пулеметная очередь в щепки разнесла передний капот вражеского броневика, превратив его двигатель в груду исковерканного металла.

Бандиты мгновенно бросились врассыпную, но я уже выскакивал из кабины с карабином наперевес. Молниеносный перекатился за массивное гусеничное звено “Витязя”, прицельный выстрел — и один из нападавших со снопом искр валится в снег. Прямо на меня выскочил наемник с ржавым мачете. Уклонившись от дикого взмаха, я перехватил его запястье, коротким резким рывком сломал кость и с размаху впечатал бандита лицом в ледяной трак гусеницы.

В бою во мне не было страха — только холодный, выверенный расчет механика, где каждый противник воспринимается лишь как деталь, которую необходимо срочно вывести из строя. Через три минуты всё было кончено. Половина банды навсегда осталась лежать в розовеющем снегу, остальные панически бежали по склонам, бросая оружие. Раненый в ногу главарь беспомощно полз к краю обрыва.

Я подошел к нему, тяжело хрустя настом, и придавил армейским ботинком его здоровую голень.

— В следующий раз, когда надумаете перекрывать серпантин, — тихо и безэмоционально произнес я, глядя в его расширенные от ужаса глаза, — выбирайте жертву, у которой в баках осталось меньше пятисот литров дизеля. Такие, как я, за свое топливо сожгут вас дотла.

Оставив бандитов замерзать в их собственной ловушке, я с помощью мощного отвала “Витязя” сбросил валуны в пропасть и двинулся дальше.

К вечеру следующего дня я добрался до окрестностей Кадараш. Никаких следов тепла здесь по-прежнему не было — всё тот же свинцовый купол неба и пронизывающий до костей мороз под минус пятьдесят. Объезжая глубокую, скрытую под наносами снега ледяную трещину, я заметил полу засыпанный армейский тягач. Шестиосный стальной гигант застыл на самом краю пропасти, наклонившись над бездной.

В надежде раздобыть хоть какие-нибудь уцелевшие карты, запчасти или остатки топлива, я остановил вездеход. Перед тем как выйти, я привычно перекинул за спину ремень тяжелого карабина и проверил, легко ли выскакивает из ножен охотничий топор. Подойдя к тягачу, сбил обухом намертво примерзший лед с массивной дверцы и с усилием забрался внутрь кабины.

В бардачке промерзшего насквозь салона, среди истлевших от времени армейских документов, мои пальцы нащупали пожелтевшую, хрупкую газетную вырезку. Я поднес ее ближе к тусклому свету и начал читать:

“ИТЭР: ИСКУССТВЕННОЕ СОЛНЦЕ НА ЗЕМЛЕ”

“Сегодня международная команда ведущих ученых и инженеров завершает финальную подгонку магнитных систем крупнейшего в истории экспериментального термоядерного реактора. Проект ИТЭР призван окончательно снять человечество с “нефтяной иглы” и подарить

нашей планете неисчерпаемый, абсолютно чистый источник энергии. Представители крупнейших мировых коалиций уже официально заявили о готовности подписать пакт о полном отказе от углеводородного топлива к концу текущего десятилетия…”

С пожелтевшей, скомканной фотографии на меня самоуверенно улыбались седовласые мужчины в безупречно белых лабораторных костюмах. Они смотрели в объектив с гордостью истинных владык мира, покоривших саму природу.

Я зло, желчно ухмыльнулся, спрятав обрывок газеты за пазуху, поближе к остывшему телу.

— Неисчерпаемый источник чистой энергии, говорите?..

И тут же в памяти, поднимаясь со дна сознания липкой грязью из-под гусеничных траков, поплыли страшные воспоминания о том, как всё было на самом деле. Статья лгала в каждом слове, с первой и до последней буквы. Никто в том проклятом мире не собирался делиться энергией во благо планеты.

Когда нефтяные и газовые пласты начали стремительно истощаться, человечество не объединилось — оно окончательно сошло с ума.

Кризис следовал за кризисом. Сначала рухнула мировая логистика, следом за ней покатилась глобальная экономика. Политики, натянув фальшивые белозубые улыбки перед камерами, спешно делили карту мира на новые закрытые военные блоки. Привычные доллары, евро и юани мгновенно обесценились, превратившись в ничтожную труху — реальную ценность теперь представляли только оружие, боеприпасы, патроны и цистерны с горючим.

Триллионы и триллионы долларов вместо развития инфраструктуры, больниц и науки рекой потекли в военно-промышленный комплекс. Мировые коалиции наперебой финансировали бесконечные прокси-войны за каждый арктический шельф, за каждую умирающую нефтяную скважину на Ближнем Востоке и в промороженной Сибири.

С каждым годом нормальная, привычная жизнь отдалялась всё дальше, превращаясь в невыносимую иллюзию. Люди наивно ждали, что вот-вот станет как прежде, но ситуация катилась только в пропасть. Добыча углеводородов велась по безумной, сумасшедшей прогрессии: бурили глубже, чем когда-либо в истории, безжалостно отравляя подземные водоносные слои и ломая хрупкие тектонические плиты Земли.

Но в этом заключалась главная, роковая трагедия: сами военные конфликты потребляли в разы больше топлива, чем весь мирный гражданский сектор до начала глобального кризиса. Ненасытная военная машина сжигала ресурсы планеты лишь для того, чтобы воевать за новые ресурсы. Это был абсолютный, замкнутый круг безумия, высасывающий из израненной Земли последние жизненные соки. Дома в городах повсеместно отключили от отопления, заводам жестко урезали лимиты, а на фронтах тысячи танков и боевая авиация сжигали миллионы тонн горючего за считанные сутки.

И тогда доведенные до отчаяния власти вспомнили про проект “ИТЭР”.

Научный эксперимент, строившийся десятилетиями ради мирного будущего, в спешке переквалифицировали в последний козырь. Строительство форсировали бешеными темпами, наплевав на любые нормы техники безопасности, на недоработки и предупреждения инженеров — лишь бы успеть раньше соперников и заполучить монополию на бесконечный термоядерный синтез.

День официального запуска реактора должен был стать величайшим триумфом цивилизации. Но этот старт фатально совпал с тем, чего не мог предвидеть ни один ученый мудрец — с чудовищной, беспрецедентной за всю историю наблюдений супер вспышкой на самом Солнце.

Геомагнитный удар невиданной доселе мощности накрыл планету ровно в ту секунду, когда плазма внутри токамака “ИТЭР” была разогрета до сотен миллионов градусов. Произошел разрушительный каскадный резонанс. Термоядерная магнитная ловушка не выдержала

колоссального напряжения, и гигантский выброс искусственной и естественной энергии пробил верхние слои атмосферы, вызывая неуправляемую цепную реакцию в ионосфере.

Это не стерло планету с лица галактики физически. Это сделало кое-что намного худшее.

Мощнейшая вспышка полностью сожгла озоновый слой Земли, навсегда сместила магнитные полюса и спровоцировала мгновенный атмосферный коллапс. Верхние слои воздуха заволокло непроницаемой, плотной пеленой из ионизированного пепла, вулканической пыли и замерзших водяных паров, которая навсегда заблокировала солнечный свет.

Солнце угасло. За считанные дни мир погрузился в абсолютный, звенящий лед. Началась бесконечная полярная зима.

Больше не осталось ни государств, ни альянсов, ни нефтяных вышек — все они были погребены под многометровыми толщами смерзшегося снега. Вся электронная начинка цивилизации погибла в одно мгновение, и любые попытки ученых вернуть в этот мир электричество потерпели крах. По темным слухам, сами фундаментальные законы физики изменились: физика электрона, каким мы его помнили, больше не работала. После того катастрофического импульса мир подчинялся иным правилам. У выживших осталась лишь одна доминирующая жажда — жажда тепла.

В этом новом мире нельзя останавливаться ни на мгновение. Тот, кто пытается построить стационарный дом, неизбежно замерзает в нем в первую же неделю, как только заканчивается топливо, или гибнет от голода. Единственным способом не умереть стал непрерывный путь. Мы превратились в кочевников ледяных пустошей. Мы путешествуем, пока крутятся траки.

Движение — это тепло. Тепло — это жизнь. А там, далеко за горизонтом, если верить надежде, всё еще можно найти место, где из-за плотных туч хотя бы на секунду пробиваются лучи настоящего светила.

Я резко вынырнул из тяжелых воспоминаний и вернулся к реальности, стоя в промерзшем кунге армейского тягача. Со второй попытки мне удалось сорвать примерзший намертво железный засов. Металл отозвался оглушительным, похожим на пушечный выстрел треском, который раскатистым эхом разнесся по мертвой тишине каньона. Одинокий ледяной ветер свистел снаружи, гоняя по насту сухую поземку и закручивая белые змейки у моих ног.

Резко сдернув тяжелую дверь, я заглянул внутрь, подсвечивая себе самодельным химическим фонарем. Зеленоватый фосфорный свет выхватил из кромешной тьмы скованные толстым слоем инея деревянные армейские ящики с тусклой маркировкой.

— Настоящая жила… — прошептал я пересохшими губами.

Но порадоваться находке я банально не успел.

Под ногами что-то глухо, утробно ухнуло. Звук пришел из самой глубины промерзшего льда — тяжелый, низкочастотный виброудар, от которого во рту появился металлический привкус, а зубы отозвались мелкой дрожью. Ледяной мост, удерживавший многотонный тягач на самом краю пропасти, с треском раскололся на миллионы острых осколков.

Металлический корпус машины вместе со мной стремительно рухнул вниз. Падение длилось всего пару секунд, но за это время я успел посчитать все острые углы ящиков собственными ребрами, пока тяжелая громадина с диким металлическим скрежетом не врезалась в твердое основание на дне разлома.

Меня со страшной силой швырнуло на железный рифленый пол, мгновенно выбив из легких весь воздух. В глазах вспыхнули и тут же погасли тысячи ослепительных белых искр, а следом навалилась тяжелая, ватная темнота. Сколько времени я пролежал без сознания — минуты или долгие часы — определить было невозможно.

Я очнулся от резкой, тупой боли в плече и пробирающего до костей, удушающего холода. Самодельный фонарь разбился при ударе, но вокруг вовсе не было темноты. Из глубоких трещин в ледяной породе пробивалось мягкое, пульсирующее, неземное голубоватое свечение.

Но самым страшным и совершенно невозможным был звук. До моих ушей отчетливо донесся едва слышный, мерный, ритмичный гул работающего электрического трансформатора.

Электричество было мертвым мифом прошлых лет, невозможным в новом ледяном мире... Но здесь, под десятиметровой толщей вечного льда, что-то продолжало гудеть, жить и светиться.

С трудом пересиливая боль, я нащупал упавший рядом карабин и приподнялся на локтях. В голове на секунду прояснилось, оттесняя первобытный страх. Я замер, зачарованно глядя на это нереальное сияние. В памяти мгновенно всплыли лица седовласых ученых с газетного обрывка, обещавших миру неограниченную чистую энергию.

Мы там, наверху, сжигаем последние тонны солярки, рвем друг другу глотки за ржавую канистру и носимся по ледяным пустыням, наивно думая, что спасаемся... А истина всё это время ждала здесь, похороненная подо льдом.

Густой, белый столб пара вырвался из моего приоткрытого рта. Я медленно вытер заледеневшие губы рукавом и тихо, с горькой, злой ухмылкой бросил в зловещую тишину подземной пещеры:

— Пытались украсть огонь у самого неба, а в итоге зарылись кротами под лед, чтобы греться от его остывающих углей... Проклятое человечество.

Пальцы крепче сжали промасленный металл карабина.

А из глубокого, пульсирующего синеватого тумана пещеры тем временем донесся резкий, сухой хруст ломающегося под чьей-то тяжелой поступью льда.

Кто-то — или что-то — не спеша, неотвратимо приближался к рухнувшему тягачу.

Глава 2. Холодный свет подземелья

Синеватый туман в глубине подземного грота колыхнулся, словно потревоженное ночное привидение или гигантское вымершее чудовище, сделавшее первый за тысячи лет глубокий вдох. Хруст мерзлого крошева, ледяной гальки и промерзшей за века суглинков пыли становился все отчетливее, ритмично перемежаясь с тяжелым, клапанным шипением механического дыхания. Кажется, каждый шаг незнакомца давался ему с трудом — металл и сложная многослойная ткань его экипировки поскрипывали на пронизывающем морозе.

Я судорожно сжал замерзшее, шершавое от инея цевье карабина. Пальцы левой руки почти полностью потеряли чувствительность, а правая сторона тела отзывалась тупой, пульсирующей, нестерпимой болью — следствием сурового падения вместе с тягачом, в результате которого плечевой сустав либо выскочил из суставной сумки, либо треснул. С трудом пересиливая позывы к тошноте и темноту, накатывают на глаза, я вскинул ствол прямо на уровень груди неизвестного. Указательный палец до упора выбрал свободный ход спускового крючка. В том мире, который остался на поверхности, первый выстрел всегда принадлежал тому, кто хотел дожить до следующего заката.

Из синей морозной дымки шагнула массивная, неуклюжая фигура.

Это был не дикарь в промасленных звериных шкурах и не отчаявшийся рейд-мусорщик с заточкой из рессорной стали. На незнакомце красовался тяжелый довоенный костюм химической, биологической и термической защиты с толстыми многослойными накладками на суставах, покрытыми мелкой сетью кристаллического инея. Лицо полностью скрывала громоздкая маска-панорама с узкими круглыми очками-гогглами в тяжелой, потемневшей от времени бронзовой оправе. За спиной незнакомца висел плоский металлический ранец с гибкими гофрированными шлангами, уходящими прямо к мощному дыхательному фильтру активного типа. В руках он держал вовсе не автоматическую винтовку или армейский карабин, а странный, кустарно и одновременно филигранно собранный из стальных трубок, медных катушек и тяжелых керамических изоляторов прибор. Он был подозрительно похож на промышленный геофизический сканер или портативную дуговую резку высокой мощности.

Незнакомец замер ровно в пяти шагах от разрушенного кунга моего тягача. Его круглые очки блеснули в полутьме отраженным пульсирующим светом скрытых в глубине пещеры ламп.

— Опусти железяку, поверхностный, — раздался из-за плотной мембраны респиратора глухой, искаженный цифровым динамиком голос. В нем не было агрессии — лишь глубокая, бесконечная усталость человека, привыкшего к суровым подземным будням. — Если бы я хотел тебя прикончить, то не стал бы тратить ресурс инструмента или патроны. Я просто сбросил бы сверху вон ту трехтонную ледяную глыбу, которая держится на одном честном слове прямо над твоей головой.

— Не подходи, — процедил я сквозь стиснутые до зуда зубы, с трудом удерживая пляшущий перед глазами силуэт в перекрестии мушки. Взгляд помимо воли метнулся к его загадочному прибору. — Что это у тебя за штука? И... откуда здесь этот звук? Откуда здесь вообще свет?

Я не мог оторвать глаз от толстых медных шин, уходивших глубоко в ледяную толщу стены. Вокруг них снег странным образом не таял, но воздух в пещере ощутимо и резко пах озоном — тем самым редким, давным-давно забытым запахом, который в моем далеком, до катастрофическом детстве всегда ассоциировался с летней грозой, запахом свежевыстиранного белья и искрами старого кинескопного телевизора.

Мужчина в тяжелом защитном костюме медленно, без резких движений опустил свой прибор и с сухим металлическим щелчком зафиксировал его на массивном поясном зацепе.

Сделав осторожный шаг ближе, он запрокинул головастый шлем вверх, посмотрев туда, где над нами чернела пробитая моим военным тягачом зияющая дыра, откуда валил снежный буран.

— Твоя проклятая колымага разворотила нам весь вентиляционный штрек Третьего технического сектора, — с нескрываемой досадой и досадой инженерной мысли произнес он. — Мы полгода укрепляли этот свод полимерной сеткой, анкерами и жидким бетоном... А ты проломил его, как гнилую фанерную доску в деревенском клозете.

— Вы... вы правда живете здесь? Под толщей вечного льда? — я медленно спустил курок с боевого взвода, но карабин из онемевших пальцев выпускать не спешил. Опыт выживания на поверхности учил: доверять нельзя никому, особенно тем, у кого есть теплая одежда и рабочий свет. — Как у вас вообще работает электричество? Наверху ведь вся микроэлектроника — мертвый кремний. Физика электрона изменилась, заряд рассеивается...

— Наверху — да, — перебил меня инженер, и в его искаженном динамиком голосе проскользнула горькая, сухая ухмылка. Он поднес руку в бронированной перчатке к лицу и с громким шипением сжатого воздуха отстегнул защитную маску-респиратор.

Под ней открылось иссушенное, бледное лицо человека лет пятидесяти пяти с глубокими бороздами морщин на лбу и проницательными, сильно воспаленными от постоянного недосыпа и работы при искусственном свете глазами. Короткие пряди его аккуратной бороды и волос были абсолютно белыми — белыми, как смертоносный снег за пределами этой ледяной пещеры.

— На поверхности ионосферный коллапс всё ещё полностью глушит свободный перенос заряда, превращая любую сложную схему в бесполезную железку. Но здесь, на глубине сорока метров, под естественным и искусственным экраном из сверхпроводящего ледяного массива и в зоне действия нашего локального компенсатора... физика вспомнила свои старые правила.

Он протянул тонкий сухой палец и указал на сияющие в глубине пещеры лампы дневного света:

— Меня зовут Генрих. А тебя как величать, пришелец из снегов?

— Я не пришелец. Василий я, — закряхтел я, чувствуя, как от малейшего движения в травмированном плече вновь вспыхивает острая, ледяная игла боли. — В прошлой жизни — инженер-механик, дизелист. А сейчас... просто выживший. И, судя по всему, я только что свалился в самый охраняемый и невозможный секрет этого вымершего мира.

Я замер, осматривая освещенный тоннель. Название “ИТЭР”, напечатанное на тусклом щите у стены пещеры, мгновенно отозвалось в моей памяти глухим эхом прочитанной перед самым падением газетной статьи.

— Вы... вы те самые безумцы? Те ученые, которые проводили эксперименты с магнитосферой и устроили весь этот ад на Земле? — во мне невольной волной поднялась глухая, застарелая ярость человека, потерявшего в огне Катастрофы всё: дом, семью, будущее.

— Мы — те, кто пытается это исправить, — жестко, с холодным металлом в голосе отрезал Генрих. — Но если ты хочешь вылить на меня всю свою накопившуюся желчь, лучше сделай это позже. Потому что прямо сейчас, Василий, у нас с тобой появилась одна общая, смертельная проблема. Твой тягач при падении намертво перекрыл нам главный тепловой отвод реакторного зала. Если через пятнадцать-двадцать минут мы не расчистим этот аварийный завал, реактор войдет в неуправляемый разгон, происходит тепловой взрыв, и этот ледник станет нашей общей аккуратной братской могилой.

Угроза скорой и мучительной гибели подействовала на меня лучше любых философских аргументов. Ярость мгновенно уступила место холодному, прагматичному расчету — на промерзшей поверхности быстро усваиваешь главное правило: мертвецам некому мстить, а живым нужно двигаться дальше.

— Если я нужен тебе живым и способным работать, сначала вправь мне сустав, — я опустил тяжелый карабин на плечевой ремень и прижал травмированную правую руку к животу. — Одной левой я твои завалы до второго пришествия расчищать буду.

Генрих не стал тратить драгоценное время на расспросы и лишние сантименты. Он стремительно шагнул ко мне, уперся твердым налокотником своего защитного костюма мне прямо в грудину и, крепко обхватив мое предплечье обеими руками, с коротким, точным, явно отработанным движением дернул его в сторону и вверх.

Дикая, пронзительная боль сжала горло ледяным спазмом, во рту мгновенно стало горячо и солоно от случайно прокушенной губы, а перед глазами на секунду вспыхнул ослепительный белый шум. Я едва не потерялсознание, но уже через мгновение, вслед за глухим, сухим костным щелчком, в руку медленно начала возвращаться подвижность. Острая боль сменилась тупой, вполне терпимой ломотой.

— Пошли, — коротко бросил инженер, подбирая свой резак. — Каждая секунда на счету.

Мы пробрались сквозь синеватую морозную дымку к задней части рухнувшего кунга моего военного тягача. Массивный стальной корпус при падении с пятиметровой высоты буквально вмял толстую металлическую решетку вентиляционной шахты в монолитный лед. Оттуда уже доносился зловещий, нарастающий гул — так гудит гигантский закипающий котел перед тем, как сорвать предохранительный клапан и разнести все вокруг на куски. Воздух вокруг завала становился нестерпимо горячим, лед смятой обшивки на глазах превратился в мутную воду и с яростным, змеиным шипением испарялся на раскаленном металле.

— Нам нужно срезать вот эту несущую двутавровую балку и вручную перекрыть аварийный шибер! — перекрывая нарастающий рев закипающего теплоносителя, закричал Генрих. — Я буду резаком плавить металл, а ты ломом отжимай деформированную петлю. Справишься, механик?

— Режь, не отвлекайся! — рявкнул я в ответ, подбирая с земли зажатый в обломках конструкции прочный стальной монтировочный прут.

Генрих вскинул свой странный прибор. Медные катушки на его корпусе вспыхнули ярко-фиолетовым, электрическим светом, за гулом реактора раздался высокий, пищащий звук набирающих заряд конденсаторов, и из раструба резака вырвалась узкая, ослепительно-белая дуга промышленной плазмы. Миллионы искр снопом брызнули на замерзшие стены пещеры, заставляя лед трещать и отваливаться кусками. Запах озона стал настолько плотным, что его можно было ощутить физически — во рту появился стойкий металлический привкус, а волосы на голове встали дыбом от статического электричества.

Металл много сантиметровой балки поддался почти мгновенно: сталь задымилась, покраснела и поплыла ярко-красной, алой каплей. Сцепив зубы до скрежета от ноющей боли в свеже направленном плече, я уперся всем весом в лом, заставляя раскаленную конструкцию отходить в сторону. Мышцы горели огнем, в ушах бешено стучал пульс, на лбу выступил крупный пот, который тут же замерзал на холодном сквозняке. Но сантиметр за сантиметром деформированный аварийный шибер поддавался моему напору.

— Еще немного! Жми, Василий, жми изо всех сил! — рявкнул Генрих, выкручивая регулятор мощности резака на самый максимум.

С оглушительным металлическим лязгом и треском балка окончательно лопнула. Я налег на прут всем телом, используя его как рычаг, и тяжелый пятидесятикилограммовый аварийный клапан со свистом, грохотом и металлическим звоном встал на свое штатное посадочное место.

Мощный поток запертого горячего пара с ревом вырвался из обводной трубы глубже в тоннель, и детонационный, вибрационный гул реактора за нашей спиной начал медленно, нехотя затихать. Грозное шипение сменилось ровным, глухим, успокаивающим гудением исправно работающих автоматических систем охлаждения.

Я тяжело опустился на колени прямо в талую ледяную грязь, обессиленно хватая ртом перенасыщенный озоном и паром воздух. Нога дрожала, плечо ныло дикой болью, но мы сделали это. Мы выжили.

Генрих погасил резак. Медные шины на его приборе постепенно остывали, меняя цвет с ярко-фиолетового на тускло-красный. Инженер утер пот со лба белой от солевого налета перчаткой, сбросил капюшон и посмотрел на меня совершенно другим взглядом — в нем больше не было прежнего настороженного пренебрежения к “поверхностному дикарю”, лишь сухое, профессиональное уважение человека, оценившего чужую хватку и выдержку в критический момент.

— Похоже, ты родился не просто в рубашке, Василий, а в цельносварном скафандре, — тихо сказал он, убирая тяжелый инструмент на поясной зацеп. — И мы вместе с тобой сегодня обманули костлявую.

— Теперь... ты объяснишь мне, что это за чертовщина? Что за место? — тяжело дыша, спросил я.

— А ты мне подробно расскажешь, кто ты такой и как очутился на нашем вентиляционном куполе, — утвердительно кивнул Генрих. Я с трудом поднялся на ноги, опираясь на ствол карабина как на трость, и поглядел во мрак глубокого тоннеля, куда уходила обводная паровая труба.

Превозмогая остаточную боль и дикую усталость, я поплелся следом за инженером. Мы прошли через массивные герметичные двери из метровой броневой стали, усеянные тяжелыми гидравлическими засовами и ручными штурвалами аварийного запирания. За ними открывался не просто унылый бункер выживальщиков, а гигантский подземный атриум — циклопический зал, вырубленный прямо в толще вечного ледника и базальтовой скальной породы.

То, что я увидал за этим порогом, заставило меня мгновенно забыть и о травме, и о разбитом вездеходе, и о трех тысячах километров арктического ада за спиной.

Под огромным, подсвеченным прожекторами сводом, на массивных стальных опорах, гидравлических растяжках и амортизационных подвесках, парил колоссальный тороид — многометровое металлическое кольцо токамака, опутанное тысячами толстых кабелей, датчиков, диагностических шлейфов и сияющих жилами сверхпроводников. Вокруг этого рукотворного “солнца” кипела упорядоченная, забытая миром жизнь: внизу ходили люди в чистых защитных комбинезонах, бесшумно сновали трициклы и небольшие электрокары, а на верхних технологических мостиках горел настоящий, чистый, ярко-белый электрический свет — без мерцания, без привычного для поверхности грохота и зловонной копоти дизель-генераторов.

Это был не просто случайный бункер. Это был бережно сохраненный кусочек рухнувшей великой цивилизации, бившийся ровным, мощным сердцебиением управляемого термоядерного синтеза прямо в чреве замерзшего, вымершего мира.

— Добро пожаловать на объект “ИТЭР-Север”, — произнес Генрих, останавливаясь на металлической смотровой площадке и делая широким жестом охватывающее движение. — В единственное место на тысячу километров вокруг, где искусственное солнце горит прямо под землей.

Генрих привел меня в небольшую, но уютную лабораторную комнату, заставленную измерительными приборами, осциллографами и мониторами, выходившую огромным бронированным витражным окном прямо на гудящее кольцо реактора.

Пока я с жадностью и нескрываемым наслаждением пил настоящий, невероятно горький и обжигающе горячий кофе — запредельную, сказочную роскошь, полностью забытую на поверхности десятилетия назад, — инженер аккуратно обработал мое поврежденное плечо специальным обезболивающим гелем и наложил плотный, фиксирующий медицинский бандаж. Острая боль постепенно отступала, сменяясь приятным, расслабляющим теплом.

— Ты хотел знать обо мне, Генрих... Что тут рассказывать? Я обычный рабочий кость от кости, всю жизнь пахал на северных энергетических объектах механиком-дизелистом, — начал я, чувствуя, как горячий напиток возвращает мне силы. — После Катастрофы выживал как мог. По невероятной случайности наткнулся на консервации на своего гусеничного монстра, восстанавливал его три года, приехал на нем сюда... Увидел на холме торчащий кузов армейского тягача, решил поискать полезный хабар, запчасти или солярку — и провалился вместе с ледяным коржом к вам. Вот и вся моя нехитрая история.

— Скудненько, — усмехнулся инженер, садясь напротив меня на вращающийся стул. — Ну ничего, думаю, мы подружимся и без длинных исповедей. Экспериментальный комплекс "ИТЭР-Север" создавался еще в конце тридцатых годов как абсолютно секретный полигон для испытаний компактных термоядерных систем...

Генрих замолчал, уставившись на бегущие по экранам зеленые графики плазменного шнура. Его голос звучал тихо, с глубокой, накопившейся за годы усталостью человека, который слишком долго носил свои воспоминания в полном одиночестве.

— Когда ионосферная катастрофа уничтожила глобальную энергосеть, выжгла трансформаторы и превратила всю микроэлектронику на поверхности в бесполезный кремниевый хлам, мы быстро поняли, что оказались в идеальной, герметичной ловушке. Наш комплекс был абсолютно автономным: глубокое залегание, замкнутый цикл жизнеобеспечения, собственная гидропоника. Мы не выжили благодаря какому-то особому героизму — нас просто забыли забрать, нас забыли накормить той самой смертью, которой за считанные дни захлебнулся остальной мир.

Инженер оперся локтями об операторский пульт, всматриваясь в мерцающие экраны.

— Мне было тридцать семь лет, когда небо окончательно "упало". Я был тогда молодым, амбициозным младшим научным сотрудником. Моя жена Оля и трехлетняя дочурка Аня остались в научном городке всего в пятидесяти километрах от этой сопки... Когда ударил первый сверхмощный электромагнитный импульс и вся связь пропала навсегда, автоматика комплекса сработала строго по инструкции: тяжелые гермошлюзы заблокировались наглухо. Нас запечатали внутри. Наверху начался хаос, бураны, радиоактивные и ионосферные заморозки... А мы сидели здесь, в тепле, при ясном электрическом свете, и слушали по аварийной средневолновой рации, как в эфире один за другим затихают человеческие крики. Сначала замолчала Москва, потом региональные центры, потом наш городок... Я так и не узнал, как именно они погибли, Василий. Просто однажды в динамиках наступила абсолютная, мертвая тишина.

Генрих повернулся ко мне. В бледном свете мониторов его бледное лицо казалось высеченным из сурового серого гранита.

— С тех пор прошло двенадцать долгих, бесконечных лет. Мы научились выращивать гидропонные овощи, научились глубоко фильтровать воду, поддерживать работу реактора. Мы искренне внушали себе, что храним священный огонь Прометея, пока мир наверху очищается от скверны и восстанавливается. Но суровая, горькая правда в том, что мы просто заперли себя в высокотехнологичной, комфортабельной усыпальнице. Запас редких изотопов дейтерия и трития неумолимо подходит к концу. Деградация сверхпроводящих магнитных катушек токамака — это вопрос пяти, максимум десяти лет. Нас здесь осталось всего сорок человек — стареющих, испуганных ученых и техников. Мои люди до ужаса боятся поверхности. Для них мир снаружи — это ад, где обитают лишь монстры и смерть. А для меня этот комплекс... просто бессмысленный, дорогой склеп-капсула.

Я допил кофе до последней капли, чувствуя, как внутри закипает странное, давно забытое чувство. Не ярость, не суеверный страх — упрямая, злость выжившего и надежда.

— Ты абсолютно прав, Генрих, — сказал я, поднимаясь с кресла и припадая к бронированному стеклу. — Наверху действительно ад. Снежная пустыня, дикие бандиты, страшные мутации и выжженное, мертвое небо. Но этот ад — живой! Слышишь? Люди на поверхности

цепляются за жизнь изо всех сил, зубами и ногтями. Они умирают от холода, потому что у них нет вашего подпольного “солнца”, но они ищут выход! В прошлом году я слышал на торговых стоянках южных караванщиков одну удивительную историю... Они называют это место “Зеленой Грядой”.

Генрих скептически нахмурился, с недоверием глядя на меня снизу вверх.

— Очередная мифическая сказка кочевников. Натурфилософия необразованных дикарей, верящих в целебные земли.

— Может быть, и так! — перебил я его, разворачиваясь. — А может, и нет! Караванщики с самого юга клянутся, что за Великим Хребтом, в глубокой тектонической впадине, ионосферный шторм по каким-то причинам рассеивается. Там нет вечного льда. Там из земли бьют горячие термальные источники, буйно растет настоящая трава, а в небе виден нормальный солнечный диск. Но люди там вырождаются: у них нет медицины, нет инженерных знаний, нет энергии, чтобы построить что-то сложнее шалашей из шкур.

Я резко шагнул к инженеру и прямо встретился с ним взглядом.

— У тебя есть уникальные технологии, Генрих. У тебя есть знания, огромная библиотека, медицинские модули и... вот этот твой плазменный резак. Скажи мне честно: ты сможешь создать портативный реактор? Компактный компенсатор, который поместится в кузов моего вездехода и сможет питать электронику грузовика?

— У нас есть малый транспортный энергетический модуль “Капля-4”, — медленно, словно страшась собственной дерзкой мысли, произнес инженер. — Он проектировался для тяжелых геологоразведочных платформ. Работает на легких изотопах, выдает стабильный защитный силовой контур в радиусе пятнадцати метров...

— Мой гусеничный “Витязь” стоит наверху! Я проехал на нем больше трех с половиной тысяч километров по арктическому аду, его двигатель и ходовая часть целы! — в моем голосе появилась железная уверенность. — Твои люди помогут его улучшить и модернизировать. Мы поставим твою “Каплю” прямо в кузов. Ты дашь нам защиту от ионосферного нуля и неисчерпаемую энергию, а я... я дам тебе свои глаза, свои руки, знание дорог и боевой опыт выживания. Я знаю, как обходить бандитские засады, где искать старые топливные базы и как выживать там, где замерзает сам воздух.

Генрих замер, явно пораженный масштабом и дерзостью моего предложения.

— Ты предлагаешь мне бросить комплекс? Бросить дело всей моей жизни, бросить этот оазис и отправиться за три тридевяти земель за призрачной легендой?

— Я предлагаю тебе перестать быть смотрителем склепа! — жестко отрезал я. — Через десять лет ваш реактор окончательно погаснет, и ваши сорок человек вымерзнут в этом ледяном мешке, так и не увидав неба. Поехали со мной. Мы возьмем столько оборудования, семян, медицинских установок и книг, сколько сможет утащить тягач. Мы найдем эту Зеленую Гряду. И там, где есть живая земля и тепло, твое “искусственное солнце” подарит остаткам человечества второй шанс. Ты не просто спасешь свои архивы — ты построишь новый мир!

Инженер молчал очень долго. Он медленно переводил взгляд то на меня, то на пылающее фиолетовым светом кольцо токамака. В его воспаленных глазах впервые за много лет зажегся не огонь усталого расчета, а безумная, опасная, искушающая искра надежды.

— “Каплю-4” придется монтировать на двойные пневматические амортизаторы... — тихо, почти шепотом заговорил Генрих, словно размышляя вслух. — И полностью пересобрать систему экранирования кабины твоего тягача, чтобы ионосферный пробой не выжег нам мозги на открытом пространстве... На эту работу у нас уйдет не меньше двух лет.

Я ухмыльнулся, преодолевая боль в плече, и протянул ему здоровую руку:

— У нас есть эти два года, инженер. А потом мы отправимся на Юг.

Спустя четыре часа, одурманенный сильным обезболивающим и подкрепленный питательным рационом из научных запасов комплекса, я отправился обратно к месту провала. Пра-

вая рука была надежно притянута к туловищу медицинским бандажом, но пальцы уже отлично слушались, а в правой руке я привычно и уверенно сжимал свой карабин.

Чтобы добраться до верхнего купола, нужно было подняться по заброшенному служебному штреку к техническим ярусам, выходившим прямо на границу льда и поверхности. Чем ближе я подходил к дыре, тем отчетливее слышал завывание арктического ветра и пронизывающий, колючий мороз.

Выбравшись из узкой паттерны на заснеженный карниз под самым сводом пещеры, я мгновенно замер, слившись со сенью скалы.

У моего гусеничного вездехода были чужие.

Двое. Типичные гиены выжженных земель, мародеры-стервятники, принюхавшись на шум недавнего обвала. На них были грязно-серые лохмотья, тяжелые тулупы поверх самодельной брони из резиновых покрышек и кровельного железа. На лицах — закопченные лыжные очки и грязные тряпки. Один из них с помощью лома отчаянно пытался вскрыть заклинивший боковой люк пассажирского отсека, а второй, вооруженный обрезом двустволки, лениво переминался с ноги на ногу у гусеницы, безуспешно пытаясь прикурить от искрящегося огнива.

Они еще не знали, что под провалом ледника есть затаившаяся жизнь. Для них мой вездеход был просто небесной манной — горой ценного металла, топлива и запасов.

Я бесшумно скользнул за обледеневший стальной пилон шахтной крепи. Ярость, холодная и абсолютно рассудительная, мгновенно вытеснила остатки действия медикаментов. Эти стервятники ни в коем случае не должны были узнать о скрытых шлюзах “ИТЭР” — если они вернутся к своей банде и приведут орду, комплекс долго не удержит оборону.

Снежная крупа слегка скрипела под подошвами, но мощный ревущий сквозняк из вентшахты надежно глушил мои шаги. Я сократил дистанцию до десяти метров.

— Эй, Хмырь, завязывай ковырять! Возьми тротиловую шашку из баула, замок вмиг выбьем! — задорно крикнул тот, что стоял у гусеницы.

Это был его последний совет в жизни.

Я плавно вскинул карабин, поймал в прорезь механического прицела затылок бандита со штормовым обрезом и мягко выбрал спуск. Сухой, резкий хлопок выстрела эхом разнесся под сводами пещеры. Тяжелая пуля насквозь пробила толстый воротник и затылочную кость. Мусорщик мгновенно повалился лицом в снег, так и не успев понять, откуда пришла смерть. Его обрез глухо звякнул о холодную сталь трака.

Второй мародер отреагировал с молниеносной воровской рефрактерностью. Вместо того чтобы упасть, он дико взвизгнул, отбросил монтировку и выхватил из-за пояса тяжелый самодельный револьвер. Я отскочил в сторону за массивный гидроцилиндр соединения тягача в тот самый момент, когда над самым ухом со свистом провизжала пуля, выбив сноп искр из промерзшего железа.

— Сука! Выходи, тварь! — орал озверевший мусорщик, слепо поля в сторону темного тоннеля.

Но патрон в барабане у него заклинило на третьем выстреле. Я услышал характерный сухой щелчок бойка о капсюль и мгновенно выскочил из-за укрытия. Расстояние — пять шагов. Стрелять из карабина с одной руки в упор было неудобно, поэтому я с размаху впечатал тяжелый кованый приклад ему прямо в челюсть.

Глухо хрустнула челюстная кость. Бандит отлетел назад, наткнувшись спиной на острый край смятого кузова, но оказался на редкость живучей тварью. Зашипел раненым зверем, он выхватил из голенища сапога длинный самодельный нож и бросился на меня, пытаясь полоснуть снизу в живот.

Я отступил на шаг, пропуская лезвие мимо себя, и с неумолимой силой опустил приклад карабина ему на затылок.

Раздался мокрый, глухой звук удара. Тело бандита мгновенно обмякло и тяжелой кучей грязного рванья сползло в замерзшую грязь.

Тяжело дыша, я постоял пару секунд, прислушиваясь к свисту ветра. Затем быстро обшарил трупы, забрал уцелевший боезапас, а сами тела без особых церемоний сбросил в глубокую вентиляционную шахту. Ледник быстро похоронит их следы.

Когда место стычки было очищено, с помощью мощных гидродомкратов, электрических лебедок и стальных тросов подземного комплекса мой вездеход медленно потащили по наклонному штреку прямо в главный ремонтный док “ИТЭР-Север”.

Началась длительная, непрекращающаяся ни на один день эпопея по полной модернизации “Витязя”, растянувшаяся на долгие пятьсот тридцать дней.Старый капотный отсек разгрузили полностью. Родной дизельный двигатель В-46-6 тщательно перебрали, законсервировали и оставили в качестве резервного механического привода на случай полного отключения электрики. Основной же тягой стали два мощных высокомоментных электромотора, интегрированных прямо в бортовые редукторы.В центральный отсек второго звена “Витязя” установили главный артефакт — портативный термоядерный микрореактор “Капля-4”. Его заключили в тяжелый цилиндрический контейнер из титан-бериллиевого сплава, подвешенный на мощных пневматических амортизаторах, чтобы полностью погасить любую вибрацию от бега тяжелых гусениц по торосам. “Капля” выработала не только неисчерпаемую электрическую мощность, но и огромное количество попутного тепла. Мы закольцевали ее жидкие теплообменники с системами обогрева кабины, баков, жилого кунга и даже самих опорных катков. Теперь “Витязь” мог идти сквозь стоградусный мороз, не опасаясь, что смазка в подшипниках превратится в стекло.На крыше первого звена, прямо над кабиной, Генрих смонтировал тороидальный излучатель — локальный компенсатор ионосферного поля. Этот бронзовый “бублик”, укутанный медными шинами сверхпроводников, при питании от “Капли” создавал вокруг вездехода защищенную полусферу радиусом пятнадцать метров. Внутри этой зоны ионосферный коллапс терял свою силу: микросхемы оживали, зажигался свет, работала коротковолновая рация, а двигатель не глох от внешних наводок.Корпус тягача серьезно усилили. Спереди и по бокам наварили разнесенную экранированную броню из трехслойных металлических плит. Лобовые стекла кабины заменили на многослойные освинцованные триплексы с нитями постоянно работающего электрообогрева. Впереди появился массивный кенгурятник из толстостенных стальных труб, способный ломать ледяные стены, и гидравлическая лебедка с тяговым усилием в пятьдесят тонн. На стальные траки гусениц наварили глубокие победитовые шипы, способные вгрызаться в гладкий лед под любым уклоном.Второй кузов переоборудовали в жилой блок для долгого автономного марша. Там обустроили два спальных места, компактную медицинскую стойку, фильтро вентиляционную установку замкнутого цикла и миниатюрный гидропонный стеллаж для свежей зелени. Вдоль бортов разместили баки для технической воды, опреснитель и стеллажи для запасов провизии.

В мире постапокалипсиса надеяться только на электронику — смертельная глупость. Если фиолетовый купол компенсатора просядет хотя бы на секунду, вся сложная техника мгновенно отключится. Поэтому наш арсенал мы собирали по принципу двойного дублирования.

КПВТ
14.5 мм (турель)
Уничтожение легкой бронетехники, пробитие баррикад
КСВК
12.7 мм (снайперская)
Подавление огневых точек на дальностях до 1.5 км
АК-103 (2 шт.)
7.62х39 мм
Основное личное оружие (механические прицелы с тритием)

РПГ-7 + “Шмель”
Гранатомет
Расчистка ледяных завалов, уничтожение укреплений
Плазменный резак
Термоядерный сброс
Инженерный инструмент / Оружие ближнего боя (факел 5м)
Газоразрядный “Маяк”
Аналоговый индикатор
Визуальный контроль радиации через цвет свечения газа
Дозиметры ИД-1
Кварцевые накопители
Индивидуальный контроль полученной дозы радиации
Особой гордостью Генриха стала аналоговая система радиационного контроля:

На носу “Витязя”, перед самым бронестеклом, была закреплена герметичная кварцевая колба с смесью аргона и ксенона, подсоединенная к первичной ионизационной камере. Это был абсолютно энергонезависимый индикатор:

В чистой зоне газ в колбе оставался абсолютно прозрачным.При появлении фона выше 50 рентген/час он начинал слабо мерцать небесно-голубым светом.В смертельных зонах от 500 рентген/час колба горела ослепительным, пульсирующим фиолетовым огнем, который виден сквозь любую метель.

Спустя пятьсот тридцать дней беспрерывного стука молотов и треска электрических дуг перед нами стоял совершенно новый монстр. Из помятого советского тягача “Витязь” превратился в хищный, обтянутый матово-черной термокраской сухопутный крейсер.

Генрих подошел ко мне, держа в руках два герметичных шлемофона.

— Ну что, Василий, — улыбнулся он, застегивая тугой воротник комбеза. — Машина больше не боится ни поверхностного нуля, ни выжженных небес.

Я забрался на высокую подножку, закинул карабин на плечо и с усилием потянул на себя тяжелый бронированный люк кабины. Захлопнув стальную крышку и щелкнув тумблером подачи питания, я посмотрел на инженера через переговорную сеть.

Генрих проверил затворы автоматов на стойке и негромко спросил:

— Куда держим курс, командир?

— На Юг, Генрих. К Зеленой Гряде.

— Стволы смазаны, радиация под контролем, реактор выдает максимум... Ну что, Василий, поехали искать твоё Солнце?

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.